

2

Когда я была маленькой, тетя Вивьен приезжала к нам в гости из Парижа с огромным баулом, полным подержанных книг и одежды — абсолютно безвкусной, по мнению моей матери. Яркие носки, широкополые шляпы, длинные расшитые бисером юбки, брюки с напыленным металлом, меха... Я была от всего этого без ума.

Вивьен была худой и энергичной, кареглазой, с длинными ресницами. Ее пышное блондинистое каре со временем поседело, но розовая помада оставалась неизменной.

В молодости она работала моделью, была лицом газировки Orangina и Chinotto и блендеров Bialletti. Ей вечно не везло в любви, поэтому она выплескивала свою энергию в какой-нибудь новый проект или посвящала себя служению только что открытому идеалу.

Был у тети и период помешательства на астрологии: значение имеют не только знак гороскопа и асцендент, объясняла она мне, но и вся натальная карта человека. Мой отец был строгим, потому что родился с Юпитером в Козероге, большой проблемой моей бабушки Ренаты был Уран в седьмом доме. На этом этапе жизни тетя носила серебряные серьги

в форме круга и подвески с минералами и полудрагоценными камнями и одевалась только в синее.

Потом она ударилась в защиту окружающей среды. Этот период начался после первой поездки в Африку. Она вернулась вегетарианкой, была одержима рассказами Карен Бликсен, даже в городе одевалась как на сафари и почти сразу же, пропустив рождественский обед, уехала в Серенгети с миссией по спасению семьи слонов.

Отец повторял, что тетя — особа легкомысленная и поверхностная, но я была с ним не согласна. Она глубоко и бурно переживала свои жизненные циклы и несла с собою важнейшие учения на непрерывном пути к открытию новых миров. Она всю жизнь анализировала планеты на небе каждого близкого человека и придерживалась вегетарианства, по крайней мере до тех пор, когда я видела ее в последний раз.

В детстве именно в компании тети я могла вытворять что-нибудь опасное: водить ладонями над огнем, пробовать стойку на руках, пользоваться электромиксером. Мы разговаривали с незнакомцами, терялись на миланских улицах, красили пряди в синий цвет купленными в супермаркете средствами.

Она был противницей столового серебра, пустых трат, тюрем, видеоигр, этикета, англицизмов, брака. И на все у нее было собственное мнение: путешествие должно изменить тебя, иначе это просто туризм; не нужно стыдиться менструации; неудача — это новые возможности; все наши беды из-за промышленной революции. Мне казалось, что от каждого ее движения идет эхо, раскрывающее мир, что реальность специально создана для того, чтобы служить ее резонатором.

Она научила меня ставить на место тех, кто смеялся над моим именем. Наверное, его выбор был единственным экстравагантным поступком моих родителей. А дело было так: после потери сына, моего старшего брата, они долго не могли зачать ребенка; во время отпуска в Чезалу они преклонили колени перед статуей святой Оливы в одноименной церкви и долго молились; девять месяцев спустя появилась я — чудо, за которое нужно было благодарить небеса.

— Это прекрасное имя, — утешала меня тетя. — Знаешь, что нужно говорить своим товарищам? Что оно латинского происхождения. Спроси у них: «Вы знаете латынь? А я знаю: *veni, vidi, vici**. И они сразу заткнутся».

Так я и делала. И это даже срабатывало. Иногда.

Когда я повзрослела, тетя Вивьен стала моим доверенным лицом. Игра в бутылочку, засосы, первые поцелуи — я всегда спрашивала у нее совета.

Поскольку у нее не было телефона, я рассказывала ей о своих проблемах в письмах и отправляла их почтой. Она отвечала, цитируя Мартина Лютера Кинга, Майка Бонджорно**, Будду, Мадонну, Библию. Таблетки мудрости, которые мне всегда помогали, особенно высказывания Майка Бонджорно — сплошное веселье!

Вивьен была моей самой любимой — пусть и единственной — тетей.

* Пришел, увидел, победил (*лат.*). Крылатое выражение, приписываемое Юлию Цезарю.

** Майк Бонджорно (1924–2009) — популярный в Италии телеведущий итало-американского происхождения.

Во время нашей последней встречи она находилась в романтической фазе, носила серьги неопределенно-готического вида, читала лорда Байрона и Шелли, восхваляла возвышенное, провозглашала необходимость немедленно слиться с природой и защищала идею свободы. Ставила мне Шуберта, Штрауса, Вагнера, Чайковского. Она приехала из Парижа, потому что моей бабушке Ренате стало хуже, но вместо того, чтобы сидеть у изголовья бабушкиной кровати, решила отвезти меня в Лигурию, чтобы *преподать* мне море. Январь 1995 года, мне было тогда четырнадцать лет.

«Морю обучают зимой», — объяснила она, поэтому ехать нужно было немедленно. Мы должны были отправиться в однодневную поездку, но задержались на два дня. Когда мы вернулись, бабушка уже умерла.

Отец с искаженным лицом позвал Вивьен в свой кабинет. Они сидели за дверью и тихо разговаривали, как тогда казалось, целую вечность, но мне не удалось разобрать ни слова. Тетя уехала второпях в тот же вечер, не сказав никому ни слова. Ужинали мы с родителями молча, не поднимая глаз от тарелок. Будто траур пошел на второй круг. Когда я нашла в себе смелость попросить объяснений, отец ответил, что узнал кое-что о моей тете — точнее, нашел кое-что в ее чемодане. Что-то настолько ужасное, что мы больше никогда не должны с ней видеться. Мне надлежало вести себя так, будто ее никогда не существовало.

Никогда не существовало тети? Я блуждала во мраке, не в силах понять, чем можно оправдать столь бурную реакцию. «Только преступлением», — сделала я вывод. Мне представились пистолет, пачки украденных денег, фальшивые документы... Неужели тетя была

на такое способна? Та самая тетя, что выступала за чистую любовь, ненасилие, мир во всем мире? Та, что предпочтет голодать, чем положить на сковородку куриную грудку? Точно должно быть какое-то другое объяснение. Может, все было настолько сложно, что я просто не могла себе этого вообразить.

В тот вечер, много лет назад, я нашла на кровати в своей комнате карманный французский словарь, в котором была карта Парижа со стикером: «*Veni, vidi, vici. Я жду тебя. Вив*».

Этот день стал началом целой череды событий. Отец перестал улыбаться. Вечера он проводил, закрывшись в кабинете и глядя в окно на ночное небо. Мать становилась все более обидчивой и вспыльчивой, и ей было все труднее угодить.

После нескольких месяцев бесплодных попыток выяснить, что же такого страшного совершила моя тетя, я сдалась. У меня появились сомнения. В каком-то смысле я стала ее ненавидеть. Она изменила наш домашний уклад и больше не возвращалась. Просто исчезла.

Однажды утром, стоя перед своим отражением в окне гостиной, выходящем в сад, я торжественно поклялась, что никогда не разочарую окружающих меня людей. И ни с кем и никогда не буду больше говорить о тете. Но потом я часами пекла булочки шу, эклеры, пирог «тарт татен» и пирожные «макарон», изучала французский язык по купленному тайком учебнику грамматики с подаренным тетей маленьким словарем.

Когда тетя еще была рядом, мне все казалось возможным, мир играл всеми красками, и я никогда

не чувствовала себя одинокой. Где-то, быть может, в далеких странах, в Париже, в Африке, на Северном полюсе, был человек, который меня понимал. Без нее я не знала, кому довериться или с кем по-настоящему повеселиться. Я снова стала никем.

Я писала ей письма, которые оставались без ответа. Кажется, она сменила адрес. Что мой отец узнал о ней и почему она больше никогда не появлялась в нашей жизни, так и осталось загадкой. Вторая рана нашей семьи.

Обеденный перерыв почти закончился. *«Это очень важно, — твержу я себе. — Жду тебя в „Шекспире и компании“...»*

Ровно в час дня, как всегда по понедельникам, я вышла из-за стола со спортивной сумкой на плече, но потом решила сделать небольшой крюк и для начала выпить кофе. Я выбрала привычный бар, которым управляет милая китайская семья. Заведение это стерильное и совершенно безликое, но мне оно нравится, потому что туда никто не ходит, а еще меня умиляет сынишка хозяев, который только и делает, что ест фасованные деликатесы и пьет газировку. Счастливчик! Однажды он предложил мне кусочек своего батончика из белого шоколада с вишней. Было трудно, но я устояла.

Крепкий кофе просочился в мой пустой желудок, скрутил внутренности и заставил отказаться от идеи посещения тренажерного зала. «В другой раз», — сказала я себе, ощущая вялость, как всегда при отлынивании от физических нагрузок. По крайней мере, сегодня у меня имеется хорошее оправдание.

При одной мысли о ночном поезде мне приходят в голову хаотичные образы: летучие мыши, наркотрафик, Агата Кристи, складной нож, яд, темнота, тоннели и, сама не знаю почему, проказа, чума и лазарет.

Конечно, добираться самолетом было бы еще хуже: раньше мне нравилось летать, но сейчас я предпочитаю оставлять другим острые ощущения от часового сидения взаперти в тяжелом металлическом ящике, подвешенном в воздухе. Может, это и самый безопасный вид транспорта, но падение — вопрос мгновения.

Часы, висящие на стене, показывают 14:00. Мои коллеги уже вернулись на свои рабочие места. Я собираю в стопку маркетинговые исследования, с которыми так и не удосужилась ознакомиться, и плачу за кофе. За прилавком мне улыбаются. Перед тем как открыть «Фанту», мальчик машет мне рукой. Я бегу в сторону офиса, поэтому слегка потею.

Шестнадцать лет. Поездка в Париж занимает одно из первых мест в списке моих желаний. Список длинный, но я пока не осуществила ни один из пунктов.

В лифте я достаю маленькое полотенце из спортивной сумки и, не вытирая пот, вешаю его на шею — этого должно быть достаточно, чтобы все поверили, будто я была на тренировке. Не то чтобы кого-то это волновало, но тренажерный зал — это отговорка, которой я пользуюсь, чтобы избежать коллективных обедов, где меня будут заставлять пробовать столовские макароны с мясным соусом или фруктовый салат, «в котором, по крайней мере, есть витамины». Нет, я предпочитаю проводить перерыв в китайском баре. Пропускать обед и, пока никто не смотрит, обходиться готовыми снеками.

Тетя жива и хочет со мной встретиться! За прошедшие годы я выдвинула уйму самых невероятных гипотез: что на ее любовь наконец ответил взаимностью такой очаровательный мужчина, как Питер О'Тул*, и что она живет с ним в маленькой деревне в Перигоре**, где они выращивают хищные растения и разводят кроликов породы Гавана; что она стала информатором секретных служб, приняла монашеский постриг, уехала миссионером в Африку и не вернулась. В самом худшем варианте я представляла, что она одинока и живет на улице, продавая за гроши свои стихи, как та женщина, которую я видела в Париже в детстве, когда мы навещали тетю. То, что она жива, уже неплохо. И раз она прислала мне подарок, значит, все еще лучше.

Я открываю ящик стола, достаю упаковку острого хрустящего горошка, прячу ее в рукав пиджака и пробираюсь в туалет. С едой покончено за двадцать две секунды. Острота помогает утолить чувство голода. Это открытие сделали в сельских регионах Индии.

Какой эффект произведет на меня встреча с Вивьен? Когда я наконец узнаю, что произошло много лет назад и как она жила все это время. Возможно, она не впечатлится моими успехами. Факультет экономики, стажировка, работа в сфере маркетинга. И как она отреагирует на мои планы выйти замуж?

Что, если это шанс наладить отношения между ней и отцом? А если он узнает о нашей встрече и перестанет

* Британский киноактер.

** Перигор (*фр.* Perigord) — исторический и культурный регион на юго-западе Франции.

общаться и со мной? И что, если это возможное открытие заставит его копаться в прошлом, с которым он когда-то покончил навсегда?

Поезд отправляется в пятницу вечером и прибывает в Париж в субботу утром. Мне придется ехать на вокзал сразу после работы и возвращаться в воскресенье вечером, чтобы в понедельник утром уже сидеть за рабочим столом. Две ночи в дороге, одна в Париже. Безумие.

Я не могу спросить совета у Манубрио: она целый месяц будет в Мексике и для связи недоступна.

— Отпуск есть отпуск, — сказала она мне на последнем сеансе, протягивая украшенную драгоценностями руку.

Довериться Бернардо — это все равно что предстать перед судом: он всегда мыслит логически и никогда не проигрывает в спорах.

Если жизнь и правда похожа на океан, то сейчас я нахожусь на гребне огромной волны, балансируя на доске, которая движется будто сама по себе, а мой гидрокостюм настолько тесный, что я не уверена, смогу ли когда-нибудь стянуть его с себя.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

